

LEMNISCATA

~•Carpe Noctem•~

Melong Eoa

18+

ЛЕМНИСКАТА

Мелонг Эоа

Лемниската II

«Автор»

2026

Эоа М.

Лемниската II / М. Эоа — «Автор», 2026 — (ЛЕМНИСКАТА)

Второй том — спуск в бездну кармы героев. Без исключения. Что есть вымысел, а что реальность в этой книге, вам предстоит узнать самим, возможно в ближайшем будущем. В реальной жизни. Для тех же, кто расставляет свои сети бесчестно и подло ответ будет один: «Только чистые сердцем способны собрать осколки истины. Мечущиеся меж Сциллой и Харибдой окажутся обманутыми своим же тщеславием и алчностью — в попытках утаить истину и в конце концов потеряют к ней всякий доступ». Второй том - не лёгкое чтение. Тёмное, жестокое погружение, где допросы, предательство и древние силы сплетаются с синестезией и кармической трансформацией душ. Лунарный мир Камбоджи переплетается с солярным нейроманасом Лондона. Книга — в которой легко утонуть. Но пройдя путь — вынырнув, можно обрести скрытое зерно граната, с искрой золота внутри. О котором мало кто догадывается, ищут единицы, а находят лишь избранные.

© Эоа М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приветствие	5
Том II	7
Серебряное зеркало	7
XV	8
Войди, если осмелишься.	8
Вернись прежним — если сможешь.	8
XVI	22
Слеза Дракона	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мелонг Эоа

Лемниската II

Приветствие

Я приветствую Тебя, читатель.

Признательна, если прошёл первый том и решился открыть настоящую дверь в Лемни-кату.

Первый том пронизан моей любовью к Камбодже. К стране, в которой и была написана большая часть книги.

Том первый порой тонет в долгих, тягуче-пряных ароматах и иногда приторно-сладких вкусах с древесными терпкими нотами. Он пахнет тропическими дождями, ванилью. Чампакой и курумпитой. Благовониями и прахоком. Бензином и потом. Копотью и пылью.

Краски врезаются в память, будь то кирпично красные влажные дороги деревень в Кам-бодже. Или изумрудный ковер раскинувшихся джунглей.

Цикады заводят свою вечную песнь. Жизнь продолжается из дня в день.

Неспешность, размеренность. Знакомство с героями. Этим дышит первая книга.

В основе сюжета Нила, которую влекут в Камбоджу сны из детства и необъяснимая тяга, сопротивляться которой бесполезно. Иногда нужно заглянуть в кроличью нору, столкнувшись с собой настоящей. Своими страхами, мыслями. Своей «непринятой» стороной. Камбоджа для Нилы становится неким катализатором.

История начинается с церемонии в гроте. Видений. Обрывков снов. Постепенно. Плавно, в результате раскрытия дверей - она проникает всё глубже в своё «подсознание».

Открывая двери. Одну за другой - она задаётся всё большими вопросами.

Лейла. Параллельно в Пномпене, другая молодая женщина продолжает жить, не смотря на предательство и обман богатого и влиятельного мужчины.

Ночная гостья – Миех, неожиданно становится связующим звеном в этой истории.

Мужчина по имени Рик — одновременно пугает и притягивает Нилу, необъяснимым для неё образом.

Таинственный ребёнок Индиго, «руп» - Сом, чье имя переводится с кхмерского, как Луна, постоянно преподносит Ниле загадки. Он знает больше, чем говорит. А говорит, так, как говорят лишь избранные. Подробности, вы узнаете в этом томе.

Кео, в переводе Кристалл, Стекло - шаман, проводник, рейнджер - мужчина, хранящий свои секреты крепче, чем рыбак порой держит свои сети. И их у него не мало. И все будут раскрыты в своё время.

Загадок много.

Как и тайн, и у остальных героев романа.

Порой неожиданных и весьма откровенных, порой пугающих и заставляющих замереть и вчитываться вновь и вновь в строки, написанные в стране, где мифы живы и бьются, в унисон с сердцем чувствующих.

Даже на расстоянии. Десятков тысяч километров. Ты почувствуешь – когда прочтешь книгу полностью. Тот ток. Ту самую вибрацию, заставляющую задуматься, о том, что именно так тщательно скрывается за масками «добра» и «зла».

Перед погружением в самую глубину Лемнискаты, под названием Серебряное Зеркало.
Лунарный ток.

Я хочу преподнести небольшой бонус.

И опубликовать Маленькие ключики к Лемнискате.

Плейлист-саундтрек к книге «Лемниската» Мелонг Эоа

Трек-лист:

1. Cambodia — Kim Wilde
2. Gamelan Solo: II. Delicate — Evergreen Club Contemporary Gamelan
3. Hometown Glory — Adele
4. (Ghost) Riders in the Sky — Johnny Cash
5. (I Cant Get No) Satisfaction — The Rolling Stones
6. Azan — Abdullah
7. Canonic Variations on Vom Himmel hoch — Brian Hoffman (И. С. Бах)
8. Green River — Creedence Clearwater Revival
9. Du riechst so gut — Rammstein
10. Introduction — Phurpa
11. Claire De Lune — Claude Debussy (Classical Music For Relaxation)
12. Pierrot lunaire, Op. 21: Part I — Jan DeGaetani / The Contemporary Chamber Ensemble
(Arnold Schoenberg)
12. Burying Fallen Flowers (Zang Hua) — Zhou Xuan
13. Anybody Seen My Baby? — The Rolling Stones
14. The Alien — Ben Salisbury & Geoff Barrow (саундтрек к фильму Annihilation)

Я благодарю каждого, кто прочтёт оба тома. Вдвойне благодарна буду вашим отзывам.

Меня и плейлист можно найти на просторах живого интернета под моим именем.

(не на Яндекс , не в ВК) - эти площадки, увы, ограничивают моё присутствие и творчество.

С уважением и любовью к каждому читателю,

Melong Eoa

14 мая 12:00 AM

Том II

Серебряное зеркало

Оранжевый диск светила уходил медленно,
как старый любовник,
оставляя на воде Меконга багряно-золотую нить.
Неон уже просыпался в стеклянных башнях.
«Сокха жив.
Остерегайся Мо Фэнси.
Её ахиллесова пята — Арлекин.»
В воздухе плыл тяжёлый, сладко-гнилостный аромат дуриана,
смешанный с ванилью, сандалом и коричневым деревом —
запах искушения на грани экстаза и отвращения.
На столе истекало соком спелое манго,
нанизанное на бамбуковые шпажки,
украшенное орхидеей *Doritis pulcherrima* —
розово-сиреневой, как сон древней Апсары.
А в тёмном углу, в террариуме,
молодая веероглавая кобра
медленно разворачивала кольца,
готовясь к прыжку.
Три пасти раскрылись одновременно.
Три лягушки исчезли без звука.
Ни сожаления. Ни эмоций.
Только чистый, холодный инстинкт.
Затишье.
Перед бурей.

XV

Войди, если осмелишься.

Вернись прежним — если сможешь.

Среда, завершающая пятый месяц двадцать пятого года...

Комната, в которой оказывается Нила, — огромная и одновременно тесная, как сон, в котором пытаешься вспомнить своё имя, но язык прилипает к нёбу. Сознание же, свернувшись, уместается на ладони — перетекая дымной змейкой из правой руки в левую и наоборот, будто шёлковая лента, сплетённая самой природой первозданного бытия в причудливые узоры.

Внутри не было ни одного окна, только четыре странных фонаря в углах, будто кто-то вырвал из ночи четыре сердца и оставил их гореть медленно, не спеша. Пульсировать пламенем, сгорать и, возрождаясь, вновь вспыхивать огненным червлёным фениксом.

Сейчас свет не освещал — он окрашивал. Пол, выложенный старой плиткой цвета кости, превращался в зеркало, застывшее алеюще-багряной, как угасающие всполохи заката, розы. Каждый шаг оставлял не след, а воспоминание о тайной печати, высеченной однажды на скрижалях мироздания и сокрытой в линиях предназначения.

В центре — стул, дышащий в спину сидящего горгонианским орнаментом, с плавно сплетёнными подвязками — волнами, несущими свет под грозным оскалом изменчивого времени. На нём сидит Нила. По краям — ещё шесть, расставленных в форме священной шатконы.

Старые, с искусно выполненной резьбой умелой рукой неизвестного мастера — с ликами драконов, смотрящих вглубь того, кто сидит. Будто вдыхая в них свою силу — словно мастер знал, для кого они предназначены.

На одном из них дремлет старый стражник, многое повидавший на своём веку. Тело его обманчиво-обмякшее, худощавое, но собранно-жилистое, заострённое, хотя и аккуратно сложенное.

Бока его потёртой рубашки — со следами увядающего пиона, будто кто-то только что прижался влажными губами и оставил тёмно-маувовый отпечаток, пока тот пребывал в состоянии сжатия.

Воздух тяжёлый, сладковатый, пахнет дождём, который недавно прошёл, и кашмирским ладаном, который истомился в ожидании руки, готовой вновь возжечь его.

Плывёт живое дыхание бесконечности — музыки звучание, рождающейся из ниоткуда. Каждая нота тянется словно длинный, медленный тёплый вздох, который не кончается, а лишь растворяется в себе самом. Голоса сливаются в один бесконечно густой, хладный туман из чёрного шёлка. Низким подземным гулом стонет бас, отдаваясь жаром в солнечном сплетении. Верхние голоса плывут над ним медленно, порождая эхо, растворяющееся в пространстве.

Время не движется линейно.

«303»

Спуск в бездну — забвение. Вновь подъём.

Ощущаешь кожей до дрожи. Музыка не движется. Кружит, как заведённая юла. Словно вселенная — вдох, выдох до бесконечности. Зрачок, что медленно расширяется и сужается в абсолютном холоде тьмы.

Ощущение дежавю. Каждый новый аккорд рождает свой двойник-призрак, который отстаёт на полтона, секунду, вечность... Звук становится вязким, как мёд, смешанный с рту-

тью. Обволакивает, проникает под кожу. Музыка бесконечности, затерявшейся в причудливой временной петле.

Обрушивается молчание. Звук тишины громче, чем вся эта музыка. Потому что звук уже внутри кожи. Внутри мозга. Живёт, дышит, пульсирует.

Медленно. Туманно. Навсегда. Не в силах прервать тишину, будто кто-то шепчет на языке, который ты когда-то знала, но однажды забыла.

Проявляется комната.

Комната, в которую тыходишь, а двери за тобой не закрываются. Они просто исчезают.

Остаётся только пол, устланный нежным румянцем рдеющей розы, геометрия стульев и ощущение, что кто-то один уже сидит на всех шести одновременно. Глаза глубоко закрыты, и видишь ты только пустоту.

Стены дышат твоим именем, которого у тебя больше нет.

Доносится разговор.

— Мне нужен результат... — голос снаружи шипит.

— Ищем, ищем! Мы обыскали все вещи, но... ничего нет...

— Заставьте её говорить.

— Сделаем всё возможное.

Нила шепчет про себя и каждый раз начинает вновь и вновь, с очередным биением сердца, считать каждую ноту, которая растворяется в ней, сплетаясь с подвязками Горгоны. Чьи волны сливаются со звучащими голосами в унисон, вспыхивая огнём в сплетении Солнца. Гремят внутри раскатистым эхом. Скручиваясь в причудливый узел.

«606»

Спуск — забвение.

Дрожь по коже. Юла. Вдох — выдох до бесконечности. Вселенная сужается и расширяется с каждым вдохом обвивающегося танцующего змея.

Дежавю. Аккорды порождают зеркальные двойники. Отстают на полтона. Секунду. Вечность.

Вязкий мёд тает на устах. С расплавленной нотой холодной ртути.

«303»

Музыка извилистой лентой вечности, кружащей в бесконечном танце, замирает. Цикл завершён.

Нила вслушивается, внимает шипящей тишине на миг и, наконец, тихим, усталым голосом произносит:

— Я не понимаю, о чём ты говоришь... — Шь-шь-шь... — эхом раздаётся в воздухе. — Я не знаю!!! — прорывается ярость и гнев.

— Где она? Где эта чёртова флешка? — Грубый, яростный голос. Шумное, сбивчивое дыхание. Чернеющие лепестки багряной розы блекнут, вновь вспыхивая алым.

Шаги. Шаги. Шаги.

— Какая флешка... О чём идёт речь...

— Ты знаешь... Ты последняя, кто общался... с Миех!

— Да о чём речь, в конце концов...

Стоящий рядом пинает стул ногой, отчего раздаётся глухой удар. Барабан эхом бьёт в воздух. Сплевывая на пол:

— Какая короткая память...

— Я её видела пару раз, не более... У нас не было времени пообщаться...

— Не было времени... Ну что за идиотка?!

— Да, чёртов ублюдок!!

Сознание, живой змейкой умещаемое на ладони, — быстро перетекает в обратном порядке из левой в правую руку и вновь в левую — атласной лентой, взвиваясь ввысь, сплетённой природой первозданного бытия в ещё более причудливую форму, и замыкает петлю.

Усталый страж по-прежнему не открывает глаз. Тело его обмякшее, но собранное, восседает на одном из стульев. На смятой рубашке расцветают багряно-золотистые узоры батика — отпечатки древнего огня, что коснулся его ткани, опалив, — оставив свой оттиск. Как напоминание и предупреждение о пробуждении искры.

Голос вновь гремит из пустоты.

— Я предоставлю тебе такую возможность. У тебя будет время. Достаточно для того, чтобы вспомнить.

Где-то неподалёку, глубоко под землёй, куда не доходят ни пение птиц, ни звуки гекконов, спрятан был старый колодец для дождевой воды, о существовании которого, возможно, догадываются лишь несколько местных.

Узкий, глубокий, пахнущий тёплой сладковатой землёй после дождя, глубокий колодец. Те единицы, знающие о нём, обходят его стороной, ибо это место считается проклятым.

Колодец — круглой формы, глубиной 8 метров, с прямоугольными, полуразрушенными краями из более массивных плит, заросших густой зеленью.

Чернильный бархат — густой, влажный, океан глубокой ночи без дна и горизонта кажется ей почти осязаемым плотным мраком, где абсолютная чернота не пустота, а живая, тёплая смола, пропитанная дыханием гниющих листьев, сладковатым ладаном далёких пагод и металлическим привкусом приближающегося дождя.

Изнутри выглядывает аккуратная кладка, поросшая мхом, из красных, размером с ладонь кирпичей.

Тот, что был выше всех, Руд — громила с раскосыми, словно у бешеного пса, глазами и трёхдневной щетиной, — сверкнул серебряной зарницей возле её лица.

Медленно, с наслаждением, поддел одну нить — длинными тонкими пальцами с тёмным, земляным запахом перепрелых давленных виноградных лоз.

Нить затрещала, каплями звездного света искрясь. Тонкие узоры уже рисовали карту будущих ростков мести под её кожей.

Раздался смех — липкий, с чувством собственного превосходства и вседозволенности.

Нила усмехнулась. Лишь втянула воздух — коротко, резко, и небо вмиг разжало свой кулак. Дерево неподалёку издало предсмертный вопль: надрывный треск ломающейся сердцевины, будто рвётся живая ткань.

Потом — долгий, нарастающий стон волокон и, наконец, тяжёлый, утробный удар, от которого воздух содрогнулся, а земля ответила глухим, басовым гулом, как от удара колокола под землёй.

Первые капли хлынувшего дождя пали на землю.

Дерево было древним кратингом, имя, которое произносили шёпотом, боясь, что джунгли услышат и ответят. Местные до сих пор говорят еле слышно, будто сквозь зубы: эти деревья не просто растут, они — последние живые зеркала самой Калы, в которых ещё теплится то, что никогда не имело лица.

В их смолистых венах течёт не сок, а само время, густое, тёмное и тягучее.

Кора — кожа, покрытая тысячелетними морщинами и шрамами от молний.

Листья — тончайшие осколки зеркала, готовые рассыпаться пеплом от одного дыхания пустоты.

Корни — толстые, как древние змеи, вцепившиеся в землю, чтобы не упасть в бездну, которую они сами же и отражают.

Когда дерево падает, оно не умирает.

Оно возвращает долг.

Становится понятно, кому принадлежал каждый миг, прожитый рядом с ним.

Ствол с треском лопается, будто гигантский позвоночник — аксис-мунди, и из разлома вытекает смола, чёрная слеза дракона, как ночь, лишённая звёзд.

В ней — лица людей, которых ты никогда не встречал, но всё равно узнаёшь.

Внутри одного дерева живут три дыхания.

Первое — холодное и чистое, оно делает ствол прозрачным: смотришь и видишь себя насквозь, а внутри только лёгкая пустота и тихий звон далёкого колокольчика.

Второе — тяжёлое, горячее, пахнущее красной жижей и цветами гниения. В этот миг дерево становится телом чёрной матери, чьё сердце бьётся раз в эпоху, и каждый удар отнимает у мира ещё одно завтра.

Третье — древнее, как горы до людей, пахнет дымом можжевела и звериной шерстью. Оно рычит из дупла: «Не смотри долго, хозяин спустится по твоему взгляду и останется жить в тебе».

Поэтому никто не валит старый кратинг в одиночку.

Идут втроём, молча.

Один оставляет горсть риса без соли.

Второй — кусок сырого мяса.

Третий — щепотку земли с могилы предка.

Тогда дерево ложится без крика, будто само решает, что долг возвращён.

Но если кто-то осмелится идти один, ночью к нему придут три тени.

Одна без лица.

Вторая — многоликая.

Третья — с его собственным лицом, восставшим из пепла через тысячелетия.

Они будут спорить до утра, кому он принадлежит.

Ствол будет лежать поперёк тропы, огромный, чёрный, как указующий перст. В его разломе будет медленно застывать смола, последняя капля зеркала Калы — где можно увидеть себя таким, каким станешь, когда время свернётся в узел и выпьет тебя всего, даже не моргнув.

Старики в деревнях северной Камбоджи, у границы с Лаосом, до сих пор рассказывают, как в год Красного Дракона одно такое дерево рухнуло посреди ночи без ветра и грома. Наутро под корнями нашли кости: не человеческие, но вытянутые, словно кто-то долго-долго тянул их за конечности в разные стороны. С тех пор считается: если кратинг падает при живых свидетелях, значит, кто-то из них уже отмечен печатью смерти. Не сегодня, так через семь полных лун. Дерево просто напоминает.

Сейчас, под тяжёлым, будто беременным молниями небом, ствол кратинга треснул с таким звуком, точно гигантский позвоночник лопнул в руках невидимого палача. Корни, толстые и извилистые, как удавы, вывернулись из земли, обнажив чёрные пустоты, словно темнели в иномирье, в которых что-то шевелилось. Ветер, последним вздохом красного дракона, пронёсся над поляной, и вмиг повеяло странным запахом: сладковатый, гниющий фрукт, смешанный с расплавленным металлом и ладаном старых пагод.

Капли дождя стали крупнее, они били по листьям, вывернутым корням, сухожилиям лиан и стволу — как пальцы по коже барабана, отбивая ритм. И в этом ритме, если прислушаться, можно было различить слова на старом пали: «Войди, если осмелишься, вернись прежним — если сможешь».

Дерево лежало теперь поперёк тропы, словно огромный чёрный указующий перст, и в его разломе, в сырой древесной ране, медленно проступала тёмная смола — такая густая, что казалась кровью земли, которая наконец-то решила напомнить людям: всё, что поднимается вверх, однажды должно вернуться обратно.

Двое, замахав руками в суеверном страхе, попятились назад. Руд же, напротив, туго обвязав плотный канат на её талии, невольно усмехнувшись, начал опускать её в альков времени, даже не взглянув в сторону рухнувшего великана.

Едва ноги Нилы коснулись дна и канат скользнул вслед за ней тёмной стремительной пикой — он швырнул ей пластиковую бутылку с водой, задвинув массивную каменную плиту, лишив её надежды на спасение.

Нила, горько усмехнувшись, уставилась на дно колодца.

Сначала было просто сыро.

Потом — тихо.

Нет времени. Нет пространства. Нет света. Прохладное, каменистое нечто, со стенами, местами поросшими мхом, с гулким эхом от малейшего телодвижения, узкое и тесное подземелье.

«Ты здесь совершенно одна.

Но так ли это? Давай проверим?

Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько понадобится для того, чтобы ты вспомнила».

Успокойся, расслабься, дыши ровно, вдох — выдох, вдох — выдох. Густая грубая пелена спадала с глаз.

Ты должна пробраться сквозь агонии и мучения наверх, кружа в своём бесконечном потоке, отпуская все страхи.

Она нащупала бутылку с водой и, сделав пару глотков, остановилась. Жидкость буквально провалилась внутрь неё, как в бездонную пустую бочку, ещё, ещё...

О! Если бы можно было отпустить всё. Если бы ты отпустила саму себя.

Миех, чёрт подери, ты была права, человеческая жизнь для «этих» ничего не стоит, они все измеряют количеством нолей на счету.

Нила вновь усмехнулась своим мыслям, пнув бутылку так, что та подлетела вверх, отскочив от стены. Она же, не удержавшись, моментально рухнула на бок. Рассмеялась.

Попыталась пошевелиться — с трудом, но ей удалось передвинуться и сесть.

Шелест бархата. Атласа. Шёлка.

Сознание разворачивалось, скользило лёгкой змейкой, свёрнутой на ладони, — шуршало из левой руки в правую и вновь в левую, бархатной лентой, вьющейся и спотыкающейся о грани, расплетая сакральные узоры.

Её била дрожь — от усталости и отчаяния, слёзы сами катились по лицу.

— Как же я вас ненавижууу...

— Шшшш... — раздавалось эхом в морской раковине, одновременно отовсюду и сразу, пронизывая её тело.

— Тихе... — шипела Нила сквозь слёзы, обессилев.

— Шшшш... — вторила ей вторая морская ракушка, утопающая в собственной чёрной пустоте, из которой начали рождаться десятки, сотни глаз с радужкой цвета индиго, и все они, не мигая, взирали на обездвиженное дитя тьмы из мира света, пока полностью не поглотили её в свои чертоги.

Она привстала на мгновение и вновь присела на корточки, обняв колени.

Вода едва прикрывала её босые ступни, в которых всё больше и больше ощущалось покалывание.

Раздражение нарастало с каждой минутой, оно накатывало волнами, хаотично подступая к самому кадыку, разливаясь по шёлковым венам её кармы раскалённой лавой, текущей сквозь времён.

Тьма — тот самый момент истины, когда ты вынужденно сталкиваешься с привратниками истинного испепеляющего света лицом к лицу.

Бессилие. Сырость. Москиты.

Сон грянул, когда возгорелся красный огонь, он надвигался всё ближе и ближе к ней, а подойдя почти вплотную — цвет изменился, став белым, закружился в вихре, который неожиданно преобразовался в уже знакомую ей черничного цвета мглу.

Пустота. И в этой пустоте ей почудилось что-то до боли знакомое — словно кто-то уже очень давно обнимал её так же...

Время странно растянулось — оно стало густым, как сироп из пальмового сахара.

Текучим и вязким, как мёд.

Железный шторм страха — ревуший над рекой времён, начал понемногу отпускать её.

Потом стало тепло, будто кто-то оставил здесь своё дыхание специально для неё или забыл забрать.

Внизу, на самом дне, рядом с ней вдруг что-то шевельнулось.

Несколько маленьких на ощупь морских ракушек и непонятно откуда взявшиеся мягкие водоросли. Нила, нащупав их, с ужасом тут же отбросила обратно. Лента тут же юркнула вниз, зацепившись о горлышко бутылки.

Тьма медленно, неторопливо раскрывала ей свои объятия, унося в даль сновидений.

Обсидиановый шёпот пробуждался глубоко внутри, взмывал вверх, стремительно обвиняя её, ещё мгновение — и загорелся осязаемый голубой лотос, всполыхнул тысячами маленьких искорок, изливая бесконечный поток сияющих солнц, стремящихся к бесконечному вращению Сансары.

Врата сновидения распахнулись.

Нила обнаружила себя стоящей на том самом берегу, с маленькой цаплей в руках. Увидела глазами той самой девочки — как искра жизни угасает в глазах птицы, чья жизнь была прервана ею, пусть и неосознанно, но выбор — бросать ли камень или оставить его в безмолвии — у неё всё же был.

Так, *Vubalus bubalis*, явленный ей — чёрный вулкан на четырёх столбах-ногах, весь в зеркальной бронзе мокрой шкуры, с рогами-полумесяцами, способными проткнуть небо, — внезапно издавший низкий раскатистый «Хррруууммммммм»,

от которого, казалось, сама земля задрожала под её ногами, стал для неё явным знаком предупреждения: «Ты камень не бросай», которому она не вняла. Рука лишь дрогнула в броске.

Звук исчез, словно само созданное для неё ею же пространство — поглотило, вобрав его в себя. Тишина — ни голосов детей, шума ветра, шелеста пальм, ни плеска волн — только чёрная, будто обсидиановая гладь, вода. Она смотрела на своё отражение и видела ту самую маленькую растерянную девочку с широко распахнутыми глазами, к которой со всех ног, перепрыгивая через раскиданные на камнях сети, бежал худощавый мальчик старше её.

Молча выхватив птицу, он устремился в реку, чьё течение было столь стремительным и сильным, что его фигурка, лёгкая как дуновение ветра с далёких гор, уже ускользала вдали, как и её голос, тонуший в плеске вод.

Река, чёрная и безмолвная, на её глазах забирала у неё самое дорогое — её старшего брата. Крылья смерти, раскинувшие объятия тёмных вод, с хищной нежностью утягивали тело всё глубже и глубже вниз — столь стремительно и неумолимо, будто поджидали его уже давно.

Она же не в силах была издать ни звука. Словно онемела. Недвижимо стояла и наблюдала, как он вскидывает руку в последний раз и уходит под зеркальную гладь.

Казалось, она перестала дышать, крик, рождённый в её горле, отозвался невольной судорогой — но так и остался узником в её темнице. Не найдя выхода — поднимался вверх — обжигая макушку и затылок одновременно, отдаваясь шумом в ушах, и стремительной птицей падал вниз, бья в самое сердце, умирая в её груди.

«Рыбак, в своих же сетях запутался...» — мужчина, словно самовлюблённый Нарцисс, на лодке горделиво любовался своим собственным отражением в воде, в тот самый миг, когда его сына уносила течением река забвения, в мир грёз.

Маленькая девочка бросилась прочь от реки, она бежала босиком, сбивая ступни в кровь, через всю деревню, в свой небольшой домик на сваях, где сидела одна только её немая бабушка, которая молча плела рыбацкую сеть под шелест ветра и звон маленьких колокольчиков возле раскрытого окна.

Девочка упала и заплакала, уткнувшись в её колени. Старая женщина, лишь проведя рукой по её волосам, всё поняла, откинула прочь её руки и поспешила к реке.

Там, на берегу, у самой кромки воды, омываемый волнами беспокойной реки, одиноко сидел тот самый рыбак с телом сына на руках, и глядел вдаль.

Завидя малышку, он грозно крикнул: «Пошла — прочь!»

Старуха, рыдая, опустилась на колени перед мёртвым телом, начала трясти его за плечи, но руки его лишь безвольно, словно ивовые ветви, пали вниз, правый кулак наконец разжался, и на песок, раскинув хрупкие крылья в свой последний раз, выскользнула мёртвая птица.

К малышке подбежала одна лишь девочка — сирота, чуть старше чем она сама, и, обняв, произнесла: «Ты не одна! Я не знаю, что делать, но я точно не дам тебе сидеть и рыдать здесь одной».

Она увела её за собой, укрывая от гнева отца и немой старухи.

От слёз она не могла вздохнуть, ещё мгновение — и наступила вновь полнейшая тьма.

Сколько она длилась — может, миг, а может, столетия...

Голоса раздалась позади неё, оглянувшись, Нила разглядела трёх высоких старцев, держащих посохи в руках, в длинных одеяниях с капюшонами, зависшими в кружащемся вихре.

Один из них, прервав кружение на миг, молча поднял свой посох и, касаясь её лба, произнёс всего два слова:

«Те-пе-рь ешь».

Шипение раздавалось повсюду, оно спотыкалось о края колодца, цеплялось сухими когтями за его выступы и камни, билось вверх о тяжёлую плиту, скользило внутрь её тела, веероглавым эхом отзывалось в её сердце. Врывалось, вгрызалось в самый центр её мозга. Кружилось и восставало из раза в раз.

Старцы исчезли, оставив лишь вспышки по ту сторону зазеркалья. Три искры, растворившиеся во мраке.

И в тот же миг Нила услышала тяжёлое дыхание и увидела чёрный, как безлунная ночь, плотный туман, источающий смолистое благоухание, возвышающийся во тьме. Он стоял молча. Недвижимо. По ту сторону серебряного зазеркалья.

Ледяной ужас объял Нилу, она попятилась назад, ощутив кожей хладный камень. Нарастающая волна животной паники сопротивлялась этому жестокому, словно сотворённому из густой и тёмной жидкости, походившему на саму смерть — надвигающемуся чёрному вьющемуся дыму из призрачной глади.

И, задрожав всем телом, она отвернулась от неизбежности, почувствовав одновременно, как тело её разрывает на миллиарды частиц от отвращения и гнева. Дежавю. Ночное. Сумрачное. Смутное. Ощущение потока. При этом её коснулась странная волна противоречия — будто никто и никогда прежде не обнимал её так при жизни. Возможно...

Раздался оглушительный, разрывающий грань её реальности, смех. Он гремел повсюду, раздавался ревушим эхом в её голове. В колодце. Насмехающийся, глумящийся над её волнением — обретающий силу и плоть.

Нила оборачивается, делает шаг и кладёт обе ладони на серебристую гладь предопределения:

— Как восхитителен миг, стоишь уверенный и восхищённый среди ночи, пятою своею устав утвердив. Глаза твои — угли, что пламенем стали, горят ярче солнца — что дремлет вдали. Ты тянешься к небу, туда где сочится лучами заря. Просыпайся! Я — голос в твоей голове, тот самый, который был с тобой всегда. Я — нахожусь по ту сторону, руки мои сжаты невидимыми лентами твоих мыслей. Я не могу убежать. Я просто есть. Как была всегда. Как и ты... был там...

Молчание и напряжение нарастает по ту сторону. Нила продолжает.

— Я всё ещё наблюдаю за тобой! Прямо сейчас — я внутри тебя. Я в твоём теле обвиваюсь, поднимаясь ещё выше. Я замираю на миг, возле самого сердца... Слышишь... дыхание? Пульсацию? Шипение? Я вижу тебя. Не смей!!! Кто я? Моё имя — одно из множества имён, какое ты предпочитаешь? Я назовусь осколком зеркала — той древней силы — разбитой рукой слепого провидения, решившего перекроить автохтонный мир под свой тривиальный интерес.

Нила открыла глаза. Повернулась вновь спиной к кристальной глади. Топнув от ярости ногой:

— Ты хочешь увидеть меня? Считай!! Один... два... три... на счёт три... твоя вселенная схлопывается глубоко внутри, ты видишь сияющий свет зари... не смей приближаться... стой там, где стоишь... пока я не разрешу тебе...

Аромат перезревших до безумия цветов этого мира — жирный, липкий туберозовый сок, который уже капает, истекая сладостью верхнего мира.

!О Эо А!... !О Эо А!... !О ЭО А!

Тяжёлый иланг-иланг, от которого щиплет в носу. Влажная гардения и густой, почти звериный жасмин начинает душить великана своей слащавой наглостью, крутить его кости, меняя до неузнаваемости его облик, впиваясь в его мозг.

Эо А!... !О Эо А!... !О ЭО А!

Нила достаёт живой, дышащий ледяным пламенем ключ, похожий на клинок, и вновь поворачивается к зеркалу, шипит, не глядя:

— Я — река, вышедшая из берегов во время разлива. Я — Нила. Ты... наблюдаемый. Я... наблюдатель. Нас разделяет серпентиновый лик. Ты... по ту сторону. Ты — можешь только смотреть. Но если посмеешь дотянуться без моего разрешения — я разрушу тебя. И не скажу самого главного — как повернуть ключ. Буду лишь смотреть с презрительной ухмылкой. ... Считай до ста... тысячи... а потом скажи мне... я хочу... увидеть... тебя...

Она отвернулась. Открыла глаза. Рассмеялась. Положила голову на бок, будто засыпая. Спустя какое-то время она вспомнила о нём:

— Скажи мне: «Я страдаю, мучаюсь по тебе и страдаю». Может, тогда я подумаю о тебе? Может, приду в твои сны? Позволю коснуться своей ступни... Ах-ха-ха, как ты жалок... Спуститься сюда, чтобы владеть мной?

Она слышала, как сердце его бешено колотится, и всё равно продолжала:

— Может, загляну в твой сон и увижу, как ты смотришь в стекло, в котором тонет само время, и ты увидишь, что мои глаза — это твои глаза. Мои губы шевелятся твоим ртом. Ты почувствуешь мой пульс у себя внутри. Ты больше не будешь знать — где кончаешься ты и начинаюсь я...

Нила со злостью стукнула ладонью зеркало предназначения, так что зазвенел даже воздух вокруг. Тень задрожала, словно от удивления, но не двинулась с места... Нила не смотрела на него. Не видела его. Не замечала ничего, кроме тяжёлого, кремового, почти удушающего индола тропической сладости, проникающей извне, снаружи из джунглей — до тошноты, с животной нотой, как будто кто-то раздавил лепестки прямо на мокрой коже.

!О Эо А!... !О Эо А!... !О ЭО А!

Аромат проникал сквозь стальную паутину треснувшей серебряной грани, сквозь верхнее и нижнее небо. Заполнял лёгкие, ноздри, мозг, тело. Пока она наконец не осознала произошедшей с ней метаморфозы.

Вмиг её рука потянулась к его груди, прошлась пальцами от ключицы к самому сердцу. На миг замерла — оставив отпечаток. Завершив круг мести — обжигающей волной павлиньей лапки на его правой груди. Печатью пустоты.

И наступила тишина. Забвеньё.

Вдали зазвенели еле слышные струны ронеата, бамбуковые флейты стали выдыхать мелодии, казавшиеся вздохами земли, взывающими к её истинной природе — словно приглашение ступить за грань дозволенного, причудливо переплетая нити судеб под невидимым взглядом стягивающегося полотна звёздного неба.

Звуки, текучие, как река под луной, непостижимым образом проникая в наглухо затворенный колодец времени, окутывали её изнутри, неся с собой обновление и пустоту — пустоту, служащую началом нового рождения сердца, увенчанного серебряной короной.

Лик госпожи Мо.

Вечер в Пхум Тхмей опускался мягко, как шёлковая — цвета спелого граната вуаль, скользнувшая на плечи. В тиковом доме горели только две лампы — одна в гостиной, другая у пруда. Госпожа Мо Фенси сидела в низком кресле из ротанга, ноги её были босы, ступни касались прохладного тикового пола.

На фоне тихо звучала старая мелодия — эрху и пипа, записанные ещё в Шанхае её отцом: ноты плыли медленно, как дымок от курильницы, то поднимаясь в жалобной тоске, то опадая в глубокую, почти траурную тишину.

За открытыми ставнями шептал сад: листья франжипани шелестели, карпы изредка плескали хвостами, но даже они с наступлением сумерек были сдержанны.

Телефон — старый, чёрный, без экрана — лежал на низком столике рядом с чашкой остывшего чая из хризантемы. Когда он зазвонил, мелодия эрху на миг отступила, уступая место тонкому, почти невесомому сигналу.

Вдова подняла трубку не сразу. Подождала третьего гудка, как всегда.

— Вэй, — произнесла она ровным, тихим, как вода в пруду ночью, голосом.

На том конце — далёкий гул большого города: Шэньчжэнь или Гуанчжоу, не важно. Шум машин, приглушённый стеклом высотки, редкие гудки, голоса на кантонском, что доносились сквозь кондиционер. А поверх всего — голос Ли Юна, мягкий, учтивый, с той особой теплотой, которую сохраняют только для самых близких в семье.

— Сестрёнка, — сказал он, и в этом слове было всё: уважение к её роду, память о том, как её отец когда-то держал его за руку в трудные времена, и тихая боль утраты. — Прости, что так поздно. Я только вернулся с ужина у твоих родителей. Мама твоя передавала поклон. Просила беречь себя.

Мо Фенси чуть улыбнулась — едва заметно, уголком губ.

— Спасибо, дядюшка Ли. Как их здоровье? Отец всё ещё пьёт тот горький чай из Пуэра?

— Пьёт, пьёт. Говорит, что без него не спит. А мама твоя... волнуется. За тебя, за... мальчиков. Мы... все волнуемся.

Пауза. Эрху на фоне издаёт длинную, дрожащую ноту — словно вздох.

— Я в порядке, — ответила она. — Дом по-прежнему стоит. Дети — спокойно спят. Сад — благоухает и цветёт.

Ли Юн кашлянул тихо — так кашляют, когда хотят скрыть тревогу.

— Сестрёнка... я вот думаю... может, вам всем приехать сюда? Хотя бы на время. Воздух родной — всегда чище, школы лучше. Родители будут рады. После всего... после кремации... тебе нужна поддержка семьи. Там сейчас становится слишком... жарко.

Госпожа Мо посмотрела в окно. За стеклом — тёмные силуэты манговых деревьев, звёзды, что отражаются в пруду. Провела пальцем по краю чашки.

— Я ценю твою заботу, дядюшка. Правда. Но... не все дела здесь завершены. Есть одно небольшое... семейное обязательство. Пока оно висит — мы не можем уехать. Ты понимаешь.

На том конце — тишина, только городской шум чуть громче. Потом голос Ли Юна стал ещё тише.

— Понимаю. Конечно. Мы... делаем всё возможное. Люди работают день и ночь. Каналы проверяем, старых друзей поднимаем. Рано или поздно найдём то, что нужно...

Госпожа Мо закрыла глаза. Эрху заплакала выше, пипа отозвалась коротким, резким аккордом — будто невидимый ударил по струне ногтём.

— Я знаю, дядюшка. И верю тебе. Мы все... как никто другой заинтересованы в этом. Это не просто вещь. Это мой муж оставил нам. То, за что он заплатил жизнью. Так и не найдя...

Голос её не дрогнул, но в комнате вдруг стало холоднее — будто ветер пронёсся сквозь ставни.

Ли Юн вздохнул — глубоко, с усталостью старого человека, который слишком много повидал на своём веку.

— Да... Я не подведу ни тебя, ни его память, ни твоих родителей. Клянусь.

— Я знаю, — ответила она. — Ты всегда был нам как брат.

Мелодия эрху достигла кульминации — длинная, тоскливая нота повисла в воздухе, потом медленно угасла.

— Береги себя, сестрёнка. И мальчиков. Позвони, если что.

— Позвоню. Спокойной ночи, дядюшка Ли.

Она положила трубку. В комнате снова воцарилась тишина — только далёкий плеск карпов и едва слышный шорох листьев. Госпожа Мо сидела неподвижно, глядя в темноту сада. Глаза её были открыты, но видели что-то очень далёкое — нечто скрытое в тенях между строк семейных разговоров, то, из-за чего люди исчезают, горят дома и умирают без следа.

Она медленно встала, подошла к окну и посмотрела на звёзды. Где-то там, за тысячами километров, в высотках Китая, люди пытаются найти золотую флешку. Здесь, в тиковом доме, она просто ждёт. Ждёт, пока найдётся то, что даст ей не просто дополнительную власть над прошлым и будущим, а сатисфакцию — с холодным привкусом горечи.

Эрху доиграла последнюю ноту и, замолчав, угасла.

Среди манговых деревьев и банановых пальм, словно выточенная из чёрного нефрита, застывшая у пруда в шёлке цвета глубокого кармина, госпожа Мо Фенси сидела в беседке, в своём саду и молча наблюдала за разноцветными рыбками — карпами кои, суетливо снующими в пруду, в ожидании корма, заранее приготовленного для них прислугой.

Вздых Азамата.

В утреннем воздухе уже витал предгрозово-сгусток. Тяжесть от цветущей чампаки, удушающая сладость франжипани вплетали свою, гнетущую разум, ноту — в струящиеся благовония пачули. Цеплялись за взгляд Мо Фэнси, замершей словно в ожидании чего-то.

Массивные ворота, выполненные из красного дерева, украшенные бронзовыми вставками в виде взмывающих в танце драконов, были раскрыты. Жемчужина раскололась надвое. Единство было нарушено.

Из трещины выпорхнул невидимый взгляду тонкий алеющий дымок, заметный лишь небесам наверху да тиковому исполину, чей вздох сию же секунду втянул в себя суть раскрывшейся первозданной искры.

Двери в дом также были распахнуты настежь, дети играли, иногда выбегая из дома. Садовник неспешно подметал опавшую листву делоникса, изредка настороженно поглядывая на госпожу Мо.

Та, не отводя пристального взгляда от пестрого разноцветья перемещающихся рыб, оставаясь полностью неподвижной, по-прежнему храня полное молчание. Сидя в окружении каменных статуй — божеств, увитых цветущими *Vanda coerulea* — орхидеями с нежно-голубыми и лавандово-синими крупными цветками и *Aerides falcata* — орхидей, с длинными, поникающими соцветиями с множеством кипенно-белых и слегка кремовых цветков, называемых лунными орхидеями за их особое свечение в ночи.

Лицу, не знакомому с ней, могло показаться, что она в глубоком трауре и переживает уход горячо любимого супруга.

Но даже те, кто тесно переплетался с судьбами и имел особое, изошрённое удовольствие общаться с нею, ощущали тяжёлый стальной отпечаток, что лёг на прекрасный лик вдовы. Превратив его в хладнокровный прагматизм расчётливой меркантильности, исходящий из зияющей обманчивой пустотности её взгляда.

Но даже они до конца не понимали её сути. Но — для бескрайних небес, льющих своё отражение в таинственный пруд, она была предельно открыта, как давно прочитанная книга.

В её осознанном созерцании милых созданий, коими безусловно являлись карпы кои, доверчиво плывшие к её руке, сейчас таилась глубокая и пытливая мозговая работа — бешеный и пытливый штурм, в котором шла настоящая битва. Тот самый вечный человеческий выбор, где победивший может проиграть, а проигравший — выиграть новую жизнь.

— Госпожа! Госпожа Мо! Звонит мистер Дунь! У него срочные новости для вас! — Из дома торопливо семенила старая служанка, кланяясь и приглашая госпожу в дом.

Она позволила себе лишь улыбнуться уголком алого рта — улыбка тысячеликая: яд нефритовой змеи, сладость запретного лотоса, холодное торжество женщины, которая давно продала душу за право быть самой дорогой вдовой.

Близился полдень, солнце неумолимой и безжалостной волной накрывало всю деревню, дом за домом, хижину за хижинкой, древо за деревом, ложась на реку.

Воздух тяжелеет, он уже не нежно струящийся лёгкий лайм, что будит по утрам своей приятной свежестью. Он густеет, от его удушливого жара даже пальмы едва-едва шелестят своей листвой. *Samanea saman* — гигантское дерево буквально закрывает листву, как зонтик.

Albizia lebbek и *Cassia siamea* — крона становится прозрачной насквозь. Таминд — сворачивает листву ребром к солнцу. Деревья засыпают, чтобы уменьшить перегрев и испарение влаги.

Нависает тишина, она витает в воздухе, сладкая на вкус, но с примесью пыли на губах. Молчат цикады.

Садовник ленно растягивается в гамаке, поглядывая на куст бугенвиллеи, прикидывая в уме, какую ветвь предстоит убрать, дабы придать ещё более совершенную форму этому и без того изысканному цветущему дереву, размышляя под раскидистым баньяном, единственным великаном в саду, создающим одновременно прохладу и тень.

Няня следит за детьми, изредка наблюдая за холодной грацией Мо с чувством необъяснимой тревоги, то и дело вздыхая и теребя край своей мятой пижамы.

Краем глаза она успеваешь поглядывать за урной с прахом покойного господина, возвышающейся в самом центре открытой залы. То и дело с грустью отводя взгляд.

Тишину нарушает лишь редкий и довольно тихий топот детских ног.

Братья, неся новую ветвь возрождения, молчаливо храня траур по отцу, искали утешение в играх, свойственных их возрасту.

Дом же жил своей жизнью, изо дня в день, пробуждаясь от объятий огненного светила, источал острый смолянистый с лёгкой горчинкой аромат. Шепчась с сомом и изредка напоминая ленным скрипом пола своё имя «Азамат». То был запах раскалённого тика по утру. Будто кто-то древний забыл прикрыть свою тайную старую шкатулку со специями, которые хранились столетиями: красный перец и гвоздика с каждым вдохом приносили необъяснимое

Дунь молчал...

Мо, чуть наклонив голову, улыбнулась уголком рта, без тепла.

— Говори полностью. Имя. Сумму. Дата у нотариуса. Всё.

Потом добавила ещё тише, уже по-китайски, не глядя на него:

— Ещё раз промедлишь, поедешь за ним следом.

Госпожа снова уставилась в зеркало, пристально глядя на своё отражение.

Ни крика, ни истерики. Только воздух в комнате стал тяжёлый, как перед грозой.

Пальцы правой руки медленно постукивали по подлокотнику: раз-два-три... остановились.

Она ждёт.

Сом же всё это время молча сидел под столом, не выдавая ни звука.

— Господин Луншань указал в завещании всего два имени: Сокха Луншан и Лейла...

Мистер Дунь закончил читать последнюю страницу, нервно сглотнув и замолчал. Мо отбросила телефон. Зеркало успело поймать в свои сети его искрящееся розовое золото, мелькнувшую розовую искру редчайшей чистоты и россыпь мелких белых бриллиантов.

Мо Фэнси молчала ровно три секунды.

Потом очень спокойно, будто констатировала погоду, произнесла:

— То есть мне — ноль. Всё — этой шлюхе и их ублюдку? Лейле?... Сому?... Я правильно поняла?

— Д-д-да, госпожа, всё верно, — Дунь робко подтвердил её слова.

Мо медленно убрала ноги со столика, встала босиком на ковёр и подошла к зеркалу вплотную. Посмотрела на своё отражение, чуть наклонила голову и тихо рассмеялась.

Один раз.

Коротко.

Как будто подавилась кусочком папайи.

Затем снова села на диван, закинула ногу на ногу и закурила тонкую женскую сигарету.

Дым выпустила в потолок.

— Найди мне копию старого завещания. Того, где я и мои дети — единственные наследники! Найдёшь — будешь жить.

Улыбнулась. Красиво. Как кобра перед броском.

— Ни к чему ваши угрозы, госпожа! Старое завещание господин Мо Луншань уничтожил при мне.

— Тогда нам нужно избавиться от них. Пусть приступают немедленно. Сом и Лейла — устраните их.

— Но, госпожа...

— Действуй!!

Она резко встала, затушив сигарету о пустую пепельницу на столе господина Мо Луншаня, на секунду остановившись, будто ощутив чьё-то неуловимое присутствие. Но тут же почувствовала холод, сковывающий сердце, и, отёрнув руку от стола, зашагала прочь.

— Эй! Подайте машину, срочно! Где Рик?!

— Мы не можем дозвониться до него, госпожа, со вчерашнего утра!

— К чёрту, подготовь машину, я поведу сама.

На часах 13:15, тик истекает ароматной смолой.

Дерево, пропитанное солнечными лучами, начинает выделять крошечные капли красноватой живицы.

В воздухе витает сладковато-терпкий запах, будто чья-то невидимая рука, разлившая старый ром, случайно порезавшись о край острого бокала, добавила искру божественной искры в источаемый нектар.

Госпожа Мо, выйдя из дома, остановилась возле пруда. Сейчас в глубине ледяного расчётливого ума теплилась одна-единственная, роковая слабость: она до безумия любила, когда её боятся и обожают одновременно. Она готова была утопить в крови весь мир, лишь бы единственный мужчина однажды прошептал ей: «Ты — богиня, которую даже я не достоин».

Слегка склонившись над прудом, улыбнулась своему отражению, и карпы замерли при её приближении, чувствуя, как вода становится тёплой от чужой крови, которую она ещё не пролила, но уже приговорила в своём воспаленном воображении.

XVI

Слеза Дракона

Сон Кео.

Кео лежал на спине, грудь тяжело вздымалась, кровь стекала в густой мох, в котором утопало его полуобнажённое тело. Джунгли сомкнулись с самим небом, став всепринимаящим сосудом — молчаливым свидетелем трансформации.

Дыхание его остановилось на полувдохе, и он провалился внутрь себя, как в бездонный колодец истинного света.

Там, во тьме сновидений, всё его тело превращалось в огромного восстающего, пробуждающегося дракона. Из люющего квантового света, влаги и живительного тока, с рвущимся наружу огненным пламенем и атактической искрой.

И он полетел, расправляя свои огромные чёрные крылья, лёгкой поступью творца ступая сквозь звёзды. С глубоко закрытыми глазами — отражаясь в зеркале вселенной, к сияющему среброокому лику Луны, что висела над всё ещё дремлющими джунглями, словно жемчужная капля в паутине ночи.

Дракон ворвался в её недра с неистовой силой давнопробуждённого властелина, как это случилось великое множество раз.

Да начнётся великое пахтание, да вспыхнет, всполыхнет алый рубин!

Дракон подготовился к прыжку и рванул выше, проникая в Меркурий, быстрой, дрожащей искрой закружил в своём привычном вихре.

И Меркурий вошёл в него, как ртуть в рану, и низ зарделся шафрановым пламенем.

Дракон закружил ещё сильнее, словно пчела, вбирающая в себя нектар изумрудного цветка у нежной Венеры, раскрывающего свой аромат, и ударяя светом в солнечное сплетение. И родился сладкий огненный мёд, гордый и невыносимый — словно само сияние Силы.

Затем взошло Солнце. И червлёно-золотым морем разлилось в его сердце.

Здесь пахтание стало медленным, глубоким дыханием, рождающим любовь, которая длится бесконечно.

Марс ударил в горло красной молнией.

Дракон рычал, и алый огонь вырывался наружу через великое множество его ликов.

Пахтание стало резким, яростным, как бой с самим собой. Раздался крик, порождая Волю.

Юпитер раскрылся над ним кобальтовым цветом индиго.

Пахтание стало бесконечным. И родилось видение — ясное, холодное и всезнающее.

Сатурн опустился последним, тяжёлый, как кольцо времён.

Дракон прорвался наружу, и фиолетовый лотос раскрылся тысячами лепестков, прервав пахтание. Жемчужные слёзы медленно, густо и сладко потекли вниз, орошая каждую рану, каждый огонь и каждую планету.

Так летал он во сне бесконечно, и каждая планета была как внутри него, так и снаружи.

Дракон пахтал их своим телом, своей кровью, своей смертью и своим рождением.

5:30 утра.

Во влажном после ночной росы воздухе вдруг — как будто кто-то невидимый обычному глазу резко открывает тяжёлую дверь в другое измерение или иной мир.

Кео пробуждается от холодящего, животного удара — вдоха, резко отдающего волной в ноздри, что бьёт с неистовой силой, словно рядом хранятся куски кожаных ремней, томившиеся не одну ночь в меду и табаке.

То — верхние ноты камбоджийского уда, и они всегда чуть резче, злее, чем у соседнего лаосского или малайзийского деревьев.

Кео всё ещё лежит на земле неподвижно.

Ещё мгновенье — и в воздухе уже царит густой сладкий дым костра из сандала и смолы бензоина, но не тёплый, а именно холодный, будто дым замёрз и теперь медленно тает в утреннем воздухе.

В нём — влажная земля красного цвета — краснозёма, богатого железом, и этот минеральный привкус делает аромат почти металлическим на выдохе.

Следом раскрывается леденцово-медовая сладость с яркой нотой перезрелого джекфрута и банана, которые начинают бродить. Она не приторная, а именно живая — будто фрукты, лежащие прямо под деревом, слегка подгнили, — ферментативный оттенок, который даёт только дикорастущая *Aquilaria crassna* из этого региона.

С лёгким ветром накатывает глубокий, почти чёрный животный шлейф: старая кожа, конский пот, дымящийся ладан. И всё это — холодное, плотное, обволакивающее облако — воздушным, тягучим драконом кружит, заползает в лёгкие, проникает внутрь, чтобы остаться внутри навсегда.

Кео садится лицом к дереву и начинает шептать — кхмерский, пали, санскрит. Слова выплывают из его рта — не гортанные, произносимые без усилий. Не вылетают — выскальзывают из его сути сами собой, и дерево, внимая ему, источает ещё более насыщенный, тягучий аромат, шелестя ему в ответ, обнимая своей листвой.

Единый и неделимый вихрь вращения возвращает ему утраченные силы.

На нём лишь набедренная повязка да обмотанные корой раны на теле. Спину его украшали странные чёрные узоры, которые издали можно было с лёгкостью принять за татуировки, но, присмотревшись поближе, извилистые нити имели на редкость удивительное сходство с прожилками в агарвуде, возле которого он провёл уже не одну ночь.

Одежда его была аккуратно сложена у подножия дерева вместе с обувью.

Пули, пронзившие его, не задержались ни на мгновение, будто плоть его была для них лишь тонкой завесой меж мирами. Вырвавшись наружу — унесли с собой незримый отпечаток столетий, тот самый след, от которого кровь стынет в жилах.

Кео и Сом.

Сом, став невольным молчаливым свидетелем раскрытия подлинной сущности госпожи Мо Фэнси, — ещё какое-то время оставался совершенно неподвижно сидеть под отцовским столом. Затаившись, словно в настоящем материнском лоне, уставившись прямо перед собой в единственную точку, не видя ничего, кроме надвигающейся пустоты. Тишина давила на него, наваливалась постепенно со всех сторон, сжимая его в этом маленьком лоне — тессеракте. В какой-то момент это крошечное пространство начало сужаться всё больше и больше, судорожно, словно схватки роженицы, пока вдруг ему не стало хватать воздуха, ещё совсем чуть-чуть — и он задохнулся бы от невыносимой боли.

В самый последний миг чья-то невидимая рука решительным рывком выдернула его из гнетущего непостоянства в двойственную природу бытия.

Вспышка за вспышкой — ярким пронзительным светом — восстали в памяти образы Кео, а спустя пару минут... и образ Нилы.

Сом молча следовал за рукой провидения, словно за нитью. Зашёл в спальню, достал рюкзак, подаренный отцом, аккуратно сложил пару рубашек, брюк, куртку и бейсболку. Бесшумно спустился в зал, прихватив бутылки с водой, и, выйдя из дома, — двинулся к байку, стоящему у по-прежнему раскрытых врат.

Охранник улыбнулся, протягивая ему ключи и пару манго:

— Куда молодой господин отправляется?

— К двум холмам. За... мамой. Просто прокачусь туда и обратно, — образ Кео всплыл у него перед глазами, словно тот звал его.

— Будь осторожен, Сом, — покачал головой, произнёс садовник, поспешив к няне.

— Кео, я уже еду, — тихо произнёс Сом.

Мальчик повернул ключ зажигания старого Honda Wave — мотор чихнул пару раз, проглотил бензин и наконец зарычал низко, устало, как зверь, которого слишком долго держали на цепи. Он не оглянулся на тиковый дом — громоздкие балки, тёмные стены, нависающую слепой медузой крышу.

Не услышал усталый вздох Азамата и его тихий шёпот.

Не хотел больше видеть место, которое ещё вчера считал своим домом. Тихая гавань надломилась и треснула, оставив привкус старой древесины и сладковатой гари, цепляющейся за горло и давящей в груди.

Он выжал газ и выехал на красную пыльную дорогу Пхум Тхмей. Байк подпрыгнул на кочке, Сом вцепился в руль крепче — его маленькие тонкие руки, ранее схожие разве что с тонкими лианами, теперь казались крепкими и сильными, как корни бамбука.

Солнце поднималось выше, беспощадное, тропическое — оно не грело, оно жгло. Жар проникал сквозь тонкую хлопковую рубашку, выжигая плечи и шею. Ветер, поднятый скоростью, бил в лицо горячим потоком, нёс пыль с рисовых полей и разбитых дорог: мелкая, красная, она врзалась в глаза, заставляя щуриться до боли. Она оседала на коже, забивалась в волосы. Сом не останавливался, не вытирал лицо. Пусть жжёт. Пусть болит. Я вытерплю.

Он всегда знал.

Он знал. Он видел — как сквозь тьму пробирается к свету, как он видел это множество раз в своих снах.

Он видел её лицо на кремации: Лейла стояла чуть в стороне, в простом чёрном платье, с глазами, полными любви.

Путь лежал впереди — пыльной дорогой сквозь джунгли.

Байк ревел, солнце палило, пыль слепила глаза. Но в сердце Сома горел свой огонь — маленький, упрямый, детский, но уже неугасимый.

Это и есть его путь, он должен выжить, чтобы спасти свою настоящую мать, он всегда это знал.

Он хранил внутреннюю тишину. Сом уже видел в своих мыслях их общее будущее, пока ещё скрытое, не проявленное.

Мчал вслед за невидимой нитью судьбы на восток, туда, где солнце восходит, возрождаясь заново с каждым днём, с каждым вдохом, с каждой каплей пота и крови на бескрайних полях.

Полдень.

Солнце стоит прямо над головой, белое, безжалостное, как раскалённый железный диск.

Впереди уже видны они — два гигантских холма, издали напоминающие древние пирамиды, возведённые десятки тысяч лет назад.

Они стоят друг напротив друга, как два стража конца света.

Меж ними — разрыв, щель, куда солнце бьёт так сильно, что кажется: ещё чуть-чуть — и небо треснет пополам.

Сом сворачивает раньше.

Резко вправо, туда, где дорога совсем исчезает.

Колёса проваливаются в песок, байк рычит, как раненый зверь, но он молчаливо гонит дальше.

Красная пыль сменяется зелёным мраком.

Джунгли глотают его мгновенно, вначале — узкая тропа, потом — вообще ничего.

Лианы хватают за руль. Ветви хлещут по шлему, как плети. Бьют по колёсам, преграждая путь.

Свет пробивается сверху тонкими раскалёнными копьями, режет листву, оставляя на земле ржавые пятна.

Зелень здесь не живая — она ядовитая, изумрудная, почти чёрная в тени.

Каждый лист, как маленькое нефритовое лезвие.

Каждое дерево — столетняя башня, готовая в любой момент рухнуть и возродиться вновь, но уже в иной форме.

Запах — горелой резины, бензина, гниющей сладости джунглей и чего-то металлического, будто здесь кто-то умер, но тело его так и не нашли. Жара такая, что пот не стекает, он испаряется прямо с кожи, оставляя липкую соль — белой коркой на теле.

Внезапно наступает тишина.

Байк глохнет.

Сом стоит посреди джунглей.

Вокруг него стены зелёных оливково-турмалиновых великанов высотой в небо, сверху — крошечный кусок белого солнца, как раскалённая корона, готовая сорваться и раздавить.

И в этой тишине наконец слышит знакомый голос, шепчущий на всех известных и неизвестных ему языках одновременно.

«Chann... Chanda... Channa... Chandra... Chandagupta... Chann... Kan... Candere... Kandaros... Handa...»

И он идёт к нему, не издавая ни единого звука, кроме ритма собственного сердца, которое бьётся так, будто хочет вырваться наружу.

— Кео, наконец-то я нашёл тебя! — произносит наконец Сом.

Чёрная тень на лице Кео вновь превращается в нежное свечение, ловящее лучи белого солнца над головой, когда он оборачивается к мальчику.

— Ты приехал чуть раньше, чем я ожидал! — в голосе Кео нет и следа удивления.

Усталость Сома пробивается сквозь пелену иллюзии: в глазах Кео он видит своё собственное отражение, только вниз головой, и мгновенно теряет сознание. Ноги его подкашиваются, и он плавно оседает на землю, покрытую мягким густым мхом, погружаясь в глубокий сон.

Сон Сома.

«Безлунная ночь, тьма, пожирающая джунгли. Если приглядеться и свикнуться с тьмой — можно разглядеть силуэт мужчины, несущего на руках небольшое тело. Человек, шатаясь, бредёт сквозь джунгли, ноги его увязают в высокой траве, он бредёт без конца и края, пока наконец не наступает время рассвета.

Он несёт на руках мальчика, жадно вдыхая воздух джунглей ноздрями, будто выискивая что-то, словно он и не человек вовсе, а животное.

Наконец останавливается возле большого дерева агарвуда, бережно кладёт недвижимое тело на мох у подножия.

Достаёт изогнутый небольшой волнистый нож с рукоятью в виде рыбы и со всей силы вонзает в ствол, с мольбами взывая к великану.

Дерево содрогается от удара, появляется первая слеза, за ней вторая, третья.

Быстрее, он явно спешит, чтобы успеть до рассвета. Набрав в ладони достаточно нектара, он подносит его к лицу мальчика. Крупная ветвь падает с древа, удар приходится на спину мужчины с грохотом и треском, тот, пошатнувшись, всё ещё удерживается на ногах.

Из зарослей внезапно выскакивает серый лохматый пёс, тот самый, с огромными печальными глазами, и бросается к ветви, вгрызаясь в неё зубами.

Сон продолжается, видения обрывистые, мужчина обезумев машет руками, трясёт тело мальчика и одновременно отгоняет пса.

В какой-то момент садится на землю, обнимает собаку, сотрясаясь в рыданиях. С иступлённым отчаянием глядя на тело, по-прежнему безжизненно лежащее на земле».

— Я испил слезу дракона?!.. — я вспомнил, Кео..?!? — быстро шепчет Сом, открывая глаза, пытаясь поднять голову, словно силясь понять только что увиденное им во сне.

Тьма тем временем начинает поедать кроны деревьев — вечереет.

— Не все воспоминания несут нам облегчение, Сом. Твоя сила начала пробуждаться...

Сом внимательно смотрит на лицо улыбающегося Кео, бережно несущего его на руках.

Алеющая рана на дереве исчезала, покрываясь свежей корой.

В этот момент, где-то вдали, в эпицентре большого мегаполиса — в Белой башне, — молодая женщина вдруг открывает глаза и впервые за долгие-долгие годы вдыхает полной грудью и произносит единственное слово: «Сокха».

Равнодушный след.

Гудки... Вновь гудки... Солнце клонится к закату. Рик не отвечает. Занят. Мо глядит в зеркало. Бровь неожиданно изогнулась луной от удивления, и взгляд сделался ещё острее и холоднее. Автомобиль она вела медленно, не спеша, обдумывая решение покойного супруга.

Ты сделал свой выбор. Теперь моя очередь.

Сиденье мягкое, фигура утопает в его кожаных объятиях. Тепло. Маленькая горячая точка пульсирует в голове и готовится вот-вот вырваться наружу.

«Жду тебя у двух холмов, Рик».

Но вместо гудков — теперь тишина.

Высокая, гордая крепость тишины.

Щелчок сообщения. Улыбка сменяется тяжёлым вдохом.

— Сбежал!?

Рывок. Педаль до упора. Ускорение. Выдох. Обгон нескольких автомобилей. Сигналя, как и «положено». Выезд на встречную, моргает — не пропущу. А затем резкое замедление и уход на обочину. Она слышит собственное сердце, его бешеный ритм.

Приглушённый, но пронзительно высокий, сдавленный «Ааааа-ыыыы-ххх», который быстро ломается в хриплый, животный стон с бульканьем, надрывом и дрожью на глинистой почве.

Успела.

Затормозила в последний момент перед буйволом, решившим развалиться на комфортной обочине жизни.

Смеётся. Внезапная мысль. Озарение...

Вновь гудки...

— Что могло заставить саму госпожу Мо вспомнить о старине Джеке? — явное удивление в голосе и озадаченность некоторой неуместностью звонка повисла в воздухе.

— Джек, вода в пруду вновь стала мутнеть, мне нужна твоя помощь, — взгляд её стал отстранённым. Буйвол всё ещё лежал на дороге.

— Звёздное небо и кристальная чистота отражения небес для вас по-прежнему важны, госпожа Мо!? — Джека бьёт острая молния прямо в пах.

— Пруд чист, и луна в нём как в зеркале. Рыбы слишком много — пруд болен, — буйвол приподнялся и уставился прямо в лобовое стекло.

За приоткрытой дверью вода стекала кристальными нитевидными каплями по спине Билла, скользя всё ниже и ниже.

— Ваш пруд недавно лишился Императора... Кто затеняет зеркало ваших вод? — переводя дух с тревогой, произносит Джек.

Госпожа Мо шепчет лишь три слова. Ждёт.

Слова проваливаются.

Улетают в чёрную дыру рядом с сердцем. Телефон выскальзывает из его рук. Молния сворачивается в кольцо. Замирая.

Нарастает низкий, почти подземный раскатистый гул — будто где-то глубоко под корнями деревьев пробуждается титан, с хрустом разгибая окаменелый за тысячелетия позвоночник. Это не рык и не рёв, это сама почва стонет яростью через глотку *bubalus bubalis* грохочущим и раздражающим: «Бррррррррррррррррр».

Она не выдерживает и орёт в трубку:

— Старый черт! У тебя будет всё! Ты наконец сможешь уехать из этой деревни! Новое имя, новая жизнь! Свой дом на Гавайях! Соображай быстрее, старый ты болван!

— Он согласен, мэм. Когда приступить? — опережает его Билл.

— Сейчас.

— Мы в деле, госпожа, мы оба в деле, — прохрипел Джек и застыл, уставившись в стену.

Взгляд полный ярости — это уже не глаза животного, а два раскалённых куска чёрного угля с лёгким прищуром, внутри которых тлеет тяжёлый блеск.

Он вдавликает этим взглядом в землю. Вес его ненависти физически прижимает, не давая вдохнуть.

И в этой неподвижной, каменной фиксации *bubalus bubalis* есть что-то пострашнее любого рыка: полное отсутствие сомнения.

Сама судьба уже всё решила.

Человек же ещё не успел это осознать.

«У двух холмов» «Сапфир... Луна... Ночь» — слова остались висеть в воздухе. Мотор завёлся, она резко рванула с места.

Багряно-алая, вязкая нить, цепляющая мелкий гравий и пыль, равнодушно тянулась вслед ускользающих вдаль колёс, оставляя одинокий раздавленный байк, пока не истончилась вовсе — забрав с собой тень угасающей жизни да пару брошенных таби на обочине.

Джек молча кинулся вниз по лестнице, к бару. Билл решительно последовал за ним.

Осколки прошлого стальной нитью разрезали тишину.

Слова, зарожденные, мгновенно аннигилировали, оставляя лишь гнетущую невысказанность.

Их взгляды, подобно двум фотонам с противоположной поляризацией, проходящих сквозь одну точку пространства, оставались в ортогональных состояниях и не вызывали интерференции.

«Они старались не пересекаться взглядами и не разговаривать».

В полночь два ангела смерти, вышедшие из вакуума нулевых колебаний бытия, локализовавшись в единственной необратимой траектории бытия, двинулись в путь.

Tabulae Smaragdinae.

Джунгли — зелёный бархатный карнавал, дыхание земли, чья кожа, пропитанная влагой, тянет к себе путников, как мать, зовущая своих детей.

Их заросли — лабиринт, вытканый богами, где каждая лиана — это жила, пульсирующая под красной глиной, а тени деревьев — молчаливые стражники, следящие за каждым движением усталых путников, прорывающихся сквозь *Tabulae Smaragdinae* — изумрудные скрижали.

Раскаты грома грянули вслед за восходящим солнцем, пока ещё глухие, неясные и далёкие.

— Байк помнит дорогу, Кео. Неподалёку несколько заброшенных хижин, за ними должен быть перекрёсток! — Сом старался перекричать шум мотора.

— Увидим скоро, так ли это! — вторил ему Кео, уворачиваясь от молодых стеблей диптерокарпов и колючих кустов *Senegalia pennata*, возникающих из ниоткуда зелёных стен, шелестящих словно тихий дождь и создающих замысловатые узоры на тропях.

Всполохи солнца, только приоткрывающего свои объятия, били пронзающими стрелами огненного света в самую глубину многовекового леса, следуя по пятам, обгоняя хранящих молчание *angeli mortis* — ангелов смерти, мчащих, повинувшись невидимому року, к перекрёстку судеб.

Тщетно глушили заранее они ревушие байки, предусмотрительно разделившись. Кео незримо ощутил чуждое присутствие почти мгновенно. Увидев две сумрачные тени с алеющим следом от мантий, тянущихся к самой преисподней.

— Держись крепче, — шепнул он Сому, — когда подам знак, делаешь вот так, — и Кео показал угол наклона. — Следи за руками, будь внимателен.

Сом молча кивнул.

Седые палачи с выжженными душами заняли позиции *overwatch* по флангам заросшего перекрёстка троп в джунглях.

Джек, на северо-восточном направлении, прильнул к Barrett MK22 в .300 Norma Magnum. Nightforce ATACR 7-35x56 на максимуме — ретика Tremor3 безжалостно держала упреждение на мотоцикле, летящем в ста пятидесяти метрах ниже. Глушитель утяжелял ствол.

Билл, южнее, в двухстах метрах, в гилли-костюме, споттил жертву — термальный бинокль показывал два горящих пятна вместо одного.

Радио молчало. Полный мрак тишины. Билл поймал солнце зеркалом: две короткие вспышки — цель идёт на убой.

Джек ответил одной длинной — вижу, готов.

Рёв байка разорвал влажный воздух джунглей, пыль взвилась красным облаком по глинистой тропе.

Билл не стал ждать. Он отложил бинокль.

Палец лёг на спуск — холодно, точно, без тени сомнения. В этот миг в нём не было ни следа человечности, только чистое, отточенное десятилетиями зло, готовое разорвать ещё одну жизнь и, растворившись в зелёном мраке джунглей, исчезнуть с туго набитыми карманами.

Он прильнул к своей Barrett и выстрелил первым — тихий хлопок глушителя.

В долю секунды Кео сбрасывает газ, одновременно перебрасывая вес тела влево и резко надавливая на правый грип — *countersteering* в чистом виде. Успевая при этом подать знак рукой Сому. Переднее колесо поворачивает вправо, но инерция и перенос массы заставляют байк агрессивно наклониться влево, почти лечь на бок. Правое колено чиркает по красной глине искрами взлетающей пыли, левая нога вытягивается для контрбаланса.

Мотоцикл входит в контролируемый *low-side drift*, заднее колесо срывается в занос, траектория смещается резко вниз и в сторону — на метр, а то и больше, за считанные мгновения. Пыль взрывается густой стеной, скрывая их силуэты, ещё миг — и мотоцикл уходит вбок и вперёд, на восток, где пуля, рассчитанная на прямолинейное движение, уже не может их настигнуть.

Она проходит мимо и летит дальше, через двести метров зелёного, цепляющего разум удушьяющего мрака, где на северо-восточной позиции Джек держит цель в ретике.

Удар рока безжалостным копьём разрезает грань мироздания. Бонк — невидимой тенью всё это время следовавший за Джеком, движимый непреодолимой силой, рождённой в его храбром сердце много лет назад у реки, принимает удар на себя.

Пуля врзалась в пса с тяжёлым, мокрым ударом, вошла чуть ниже шеи, в мощную грудь, разрывая мышцы и лёгкое, выходя сзади фонтаном крови и осколков кости.

Собака коротко, глухо хрипнула — звук, похожий на последний вздох старого воина. Тело его обмякло, тяжело осело на бок, придавив лапами землю, уже пропитанную кровью. Горячая алая струя хлестнула Джеку на лицо и руки, заливая оптику Nightforce багряным.

Бонк всё ещё был жив. Он повернул голову медленно, с усилием — и посмотрел уже последний раз в жизни на Джека своими тёмными, влажными глазами. В них не было боли, страха. Только бесконечная, абсолютная любовь.

Потом свет в них начал угасать — медленно, как закат над джунглями. Бонк ушёл тихо, положив тяжёлую голову на руку хозяина.

Джек не смог отвести взгляд. Вина, давно похороненная под слоями убийств, вырвалась наружу — жгучая, невыносимая. Зло, которое они сеяли десятилетиями, обрушилось на единственную чистую и абсолютно преданную ему чистую душу.

И в джунглях воцарилась тишина, что тяжелее любого выстрела...

Мрак Сердца.

Жара — живое, разумное, изменчивое начало, алхимик, плавающий воздух в золото, заставляющий реку испаряться, а джунгли задыхаться в ожидании надвигающегося дождя, — снаружи всё нарастала.

«Смотри же! Вот, кто скрывается во мраке твоего сердца. Узри же его и ужаснись.

Безмолвное и недвижимое. Истощённое до скелета существо, восседающее на каменном троне, вытесанном из собственной алчности и похоти, пребывающее в вековом сне своего невежества и безумия, в костлявых объятиях сжимающее золотой слиток, нежно и трепетно, будто живого ребёнка».

Мо приоткрывает глаза и видит, что стоит не в храме, не в лесу, не в своей комнате — а в огромном зале, где воздух становится всё гуще, словно смола, с запахом горелого золота.

Трон возвышается посреди зала. Дремлющий страж из её видения по-прежнему неподвижен.

Веки его тяжелы и опущены. Силы его испытаны изнутри.

Вальсирующий глянец сокрушённых иллюзий, разбивающий сверкающие лепестки нетронутого бытия.

В костлявых руках существо держало уже не слиток, а живое бьющееся сердце, ещё тёплое.

Она хотела крикнуть, но голоса не было.

Хотела отступить — ноги не слушались.

Зал начал дрожать. Сначала тихо, как предгрозовое гудение, потом всё громче, будто само небо решило обрушиться к её ногам.

Видение начало рассыпаться на осколки — вначале медленно, дрожа сотней паучьих лапок в сумеречном тумане. Завертелось дугой, взмывая калейдоскопом сменяемых друг друга символов, кадров, узоров.

Заискрилось неистовым пламенем памяти — господин Мо, Сом, Рик — образ за образом сами собой вспыхивали, восставали в её памяти. Проступали прожитыми видениями, пока наконец голос не прорвался сквозь мгlistую пелену охватившего её разум надвигающегося ужаса:

— Госпожа Мо, прибыл первый гость.

— Хорошо, — леденящим душу голосом произнесла она.

Госпожа Мо оглядела огромную комнату, где не было ни одного окна, только четыре тусклых фонаря в углах, будто кто-то вырвал из ночи горящие сердца и забрал с собой их огонь.

Пол — словно угасающая память, отбрасывал скупые костяные блики, застывшие гримасой в вечности. Каждый шаг — медленный, шуршащий — приближал её к центральному стулу, венчавшему сакральную шаткону.

Лики атаквистических драконов были повернуты хищным оскалом в сторону госпожи Мо.

Она сидит в центре зала, словно никогда и не вставала с трона. Горгонианский лик окаменел и был отвёргнут от неё. Подвески застыли в тугом переплетении двух лент, сомкнувшись в мёртвый узел — где ток не течёт, а лишь глухо закипает неуголённой яростью.

Перед ней — трое людей господина Мо.
— Госпожа, прибыл Билл.
— Пусть ждёт! У меня к вам пара вопросов.
— Да, госпожа.
— Прошло уже более суток. Где предмет? Она начала говорить?
— Она предпочла хранить молчание.
— Я хочу её видеть, прямо сейчас.
— Как пожелаете, госпожа Мо... она... не та, кем кажется на первый взгляд.
— Я та, кому она откроет свою тайну. Кем бы она ни была, — сверкнула Мо острым, как лезвие клинка, взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.